

САМЫЕ СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ

1

ЭДУАРД
ВЕРКИН

ЧУДОВИЩЕ
С УЛИЦЫ РОЗЫ

ЧАС ОХОТЫ

ВЕНДИГО, ДЕМОН ЛЕСА

ЭКСМО
Москва
2024

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

Иллюстрация на обложку
и разработка серийного оформления *BOOKART*

Веркин, Эдуард.

В32 Чудовище с улицы Розы; Час охоты; Вендиго, демон
леса / Эдуард Веркин. — Москва : Эксмо, 2024. —
400 с. — (Самые страшные истории).

ISBN 978-5-04-198093-1

Сборник Эдуарда Веркина — три страшных истории о хищных лесных людях, вендиго, и о тех, кто способен бороться с ними и победить. Повести «Чудовище с улицы Розы», «Час охоты» и «Вендиго, демон леса» стали классикой ужастиков, а точнее, триллеров для подростков. Они объединены общим героем, псом по кличке Бакс. Впервые выходят под одной обложкой.

Для читателей старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198093-1

© Веркин Э., 2005, 2012
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Привет,
вы держите в руках сборник «Самых страшных историй». Повести, которые в него вошли, объединены общим героем — псом по кличке Бакс.

Две первых рассказывают об одних и те же (или очень похожих) событиях от лица разных персонажей. Вам решать, какую версию считать правдой. Или, может быть, произошли они обе?

Третья повесть продолжает историю.

Впервые они выходят под одной обложкой.

Редактор этой книги

ЧУДОВИЩЕ
С УЛИЦЫ
РОЗЫ

ГЛАВА 1

ЭТО КОНЕЦ

Кажется, всё было так.
— Пошёл, — сказал я тогда Баксу.
Я ещё договаривал это короткое слово, оно ещё прыгало у меня на языке, а Бакс уже нёсся вперёд. Он двигался так резко, что ноги его сливались в размытое пятно, совсем как у гонящегося за антилопой гепарда. Издали Бакс был похож на большую ожившую кляксу. На злую чёрную пулю, выпущенную из бесшумного духового ружья. Прямо в цель.

Когда я пробежал метров сорок, Бакс опередил меня уже метров на тридцать, а может, и больше. Бакс, несмотря на свои внушительные размеры, совсем не был увальнем. Он был сильным и быстрым. Гораздо сильнее и резвее меня. Именно поэтому я послал его первым.

Мы неслись между яблонями, быстро, как только могли. Так быстро, что я даже не успевал дышать, вдыхал через раз. Взрыв-вдох, взрыв-выдох. Думать я тоже не успевал. Да и не о чем было больше думать.

Мы выскочили на лужайку.

Ли увидела нас и радостно воскликнула:

— Эй, ребята! Привет!

Бакс не снизил скорости.

Когда-то в детстве я видел картинку. Поле со скошенной травой, озерко, гуси купаются. К гусям с двух сторон подкрадываются лисы. Нарисовал один мальчик. Картинка была удивительна тем, что художник увидел всё это как бы с высоты птичьего полёта. Белые горошины гусей и острые стрелки лис. И это придало всей сцене необыкновенную живость и какую-то даже трагичность. Когда смотрел на неё, я ясно видел, что произойдёт в следующее мгновение: лисы рванутся, гуси заорут, ветер поднимет белые перья...

И, приближаясь к Ли и Римме, я вдруг увидел всё происходящее как бы глазами того мальчика-художника. Сад, яблони, трава, на небольшой полянке гуляют две девочки. И мы с Баксом направляемся к ним. Пройдёт несколько мгновений, и ветер поднимет...

— Бакс!!! — крикнула Ли. — Стоять!

Мы не остановились.

И Римма всё поняла. Сразу. Она выдвинулась вперёд и присела. Ли испугалась, успела ещё крикнуть:

— Стоять!!!

Бакс шёл первым. Мой расчёт был точен. И Бакс прыгнул. Римма инстинктивно выставила вперёд руку. Бакс повис на ней и потащил Римму вправо.

Потом подоспел я. Прыгнул, и меня было уже не остановить. Краем глаза я увидел, как в обмороке оседает на траву Ли.

Затем я врезался в Римму.

ГЛАВА 2 В КЛЕТКЕ

Скоро меня убьют. Вероятнее всего, в конце этой недели. А может, и на следующей. Убьют. Убьют, тут уж ничего не поделаешь.

Они должны меня подержать тут ещё какое-то время, потом отправить куда подальше, в какую-нибудь спецшко-

лу для особо неодарённых. Там со мной начнут заниматься психологи, станут ставить на мне опыты, будут показывать мне кляксы и спрашивать, что я в этих кляксах вижу...

Но этого не случится.

Потому что скоро меня убьют.

Я понял это, как только в мою комнату вошёл Белобрысый.

Он улыбнулся, сел на стул и угостил меня леденцами. Затем представился. Психолог. Очередной психолог, он хочет мне помочь, он большой специалист по девиантному поведению среди несовершеннолетних и знает, как действовать в подобных случаях. Если я буду сотрудничать, он мне поможет.

Я сказал, что готов сотрудничать. И в том, что он мне поможет, я тоже не сомневался. Он поможет мне отправиться на тот свет с минимальными для меня усилиями.

— Ты интересный мальчик. — Белобрысый смотрит мне в глаза. — Очень интересный...

И он рассказывает мне о том, что современная наука шагнула далеко вперёд и таких, как я, лечат и успешно возвращают в общество. Я согласно киваю. Я вижу, что в глазах Белобрысого прыгает моя смерть.

Просить бесполезно. Белобрысый меня не пощадит, а он тут самый главный. Это видно.

Он сидит напротив меня и улыбается.

Мне с ним не справиться, он гораздо сильнее меня. Он гораздо сильнее даже Риммы. Белобрысый приберёт меня одной рукой, даже не вставая со стула. А Бакса больше со мной нет.

Мне скучно без Бакса, я к нему привык. Я купил его на базаре у одной женщины. Она не знала, какой он породы, называла его «собачкой» и просила сто пятьдесят рублей. У меня было двести, нам, сиротам, полагается ежемесячная помощь от государства, я заплатил и сунул под куртку похожее на валенок существо. Дом, в котором я тогда жил, располагался за городом, воспитанники вели подсобное хо-

зьяйство, и пристроить в нём собаку не составило никакого труда. Бакс вырос быстро и вырос большим, сильным и умным. Все его любили, и у меня никогда не было проблем с его содержанием. Во всех приютах, в которых я побывал за свою жизнь, Бакса принимали и любили.

Теперь его нет. Мне без него тяжело, я к нему привык.

А вообще здесь неплохо. Видимо, это какая-то новая клиника или тюрьма, экспериментальная или построенная на деньги каких-нибудь там миллионеров и спонсоров. У меня отдельная комната с кроватью, двумя стульями и телевизором. Правда, телевизор подвешен высоко, почти под потолок, а экран забран сеткой, но всё равно это здорово. У меня никогда не было своего телевизора и своей отдельной комнаты, вся моя жизнь с самого начала была сплошным общежитием. Хотя нет, в доме у Ли у меня была и своя комната, и свой телевизор, только недолго. И холодильник в кухне, в который можно залезать в любое время.

Здесь холодильника нет, зато есть трёхразовое питание. Утром, в обед и вечером. Кормят хорошо, я даже немного поправился. Это и неудивительно, двигаюсь я мало. Зарядки здесь не предусмотрено, всё свободное время я лежу на кровати и смотрю в телевизор. Книжек мне не выдают, иногда приносят газеты, ведь отсутствие газет нарушает мои гражданские права.

Гулять меня не выпускают, как особо опасного. Я ведь очень опасен, даже несмотря на перелом... Кстати, перелом мне они залечили. Даже, кажется, вставили в кость стальной штырь для крепости. Так что я теперь здоров. Почти здоров — некоторая скованность в локтевых движениях всё равно наблюдается, и ещё я слегка хромаю. Это от пойнтеров. Но с этим можно жить.

Они меня вылечили. Белобрысый специально проследил за этим, лично проследил. Зачем это ему надо, не понимаю. Зачем меня лечить? Чтобы отправить на тот свет здоровеньким? Это даже как-то обидно. Кругом полно больных и голодных, а лечат меня. Смертника. Вот так.

Я думаю, что Белобрысый делает это специально, чтобы в случае чего отвести от себя подозрение. Типа он сделал всё, что мог, даже здоровье ему поправил, но ничего не получилось, угрызения совести пациента оказались несовместимы с жизнью...

На прошлой неделе ко мне приходил очередной психолог с учениками. Когда ко мне приходит такая компания, меня забирают из моей комнаты. Два здоровенных, как шкафы, санитары ведут меня направо по коридору, в специальный бокс, где есть всё нужное для мозгокрутства. Иногда мне в голову приходит идея: а что, если взять да укатать этих мужиков и попробовать удрать?

В принципе это выполнимо. Если я буду достаточно быстрым и если мне повезёт, я смогу вырваться от них. А дальше что? Куда бежать? Судя по глухой тишине и отсутствию окон, я нахожусь в подвале. Может, на первом уровне, а может, на десятом. Даже если я убегу, я не смогу выбраться на поверхность.

Так вот, на прошлой неделе ко мне заходил психолог с учениками. Я им очень интересен. В последнее время участились случаи, подобные моему, и они собираются провести исследование и написать серьёзную научную работу. Юные психологи светили мне фонариком в зрачки, тесты какие-то проделывали. Определите, какая из фигур на этом рисунке лишняя. Заставляли верёвочку в кольцо протаскивать, будто я обезьяна какая! Здорово меня затрепали, я не выдержал и даже рыкнул на них. Так они отскочили все от стола и сразу же позвали санитаров. Те ворвались в бокс, заломили мне за спину руки и сунули под нос шокер. Искра заплясала у меня перед глазами, и я сразу стал смиренным и послушным, как ягнёночек. А эти психологи тут же бросились писать в свои блокноты: «крайняя степень агрессии», «крайняя степень опасности», «крайняя степень социопатии»... Чушь, короче, писали. Фотографировали тоже. А перед уходом психолог сказал этим своим ученикам, что, мол, несмотря на всё, что я натворил, со мной надобно по-

ступить гуманно, мы ведь не в каменном веке живём. Ученики согласно закивали.

Тогда я втянул посылнее воздух, как бы определяя, кто из них пахнет вкуснее, и аппетитно облизнулся — психолог и его команда стремительно свалили, только я их и видел. Удрали, оставив после себя в воздухе запах больницы. Спирт, лекарства, резиновая обувь. Хоть какое-то разнообразие. Один даже карандаш свой забыл, я этот карандаш спрятал. А санитары меня сразу бац — фейсом об тейбл.

Больно. Так и живём. Но карандаш не заметили.

Или ещё. Тоже на прошлой неделе. Припёрлись две дамочки с фотоаппаратами. Не знаю уж, кто их пустил, обычно ко мне никого не пускают. Нельзя. А они из какого-то журнала глянцевого, пишут статьи типа «Пришельцы похитили свинью-рекордсменку». А я фигура заметная, как говорят в таких журналах, ньюсмейкер. Дамочки угостили меня домашними сырными шариками и давай проливать надо мной слёзы. Что я не виноват, что я такое несчастное существо, жертва этого жестокого мира, неправильного устройства общества. Утешать меня давай, говорили, что уже начат сбор подписей за моё помилование, что меня помилуют, а потом непременно вылечат. И я стану хорошим мальчиком и уже никого никогда не прикончу...

И фотографировали меня с разных сторон. И так и сяк.

Этих я не стал пугать, сырные шарики были вкусные.

Интересно, думал я, каким же надо быть полным придурком, чтобы подписаться под прошением о моём помиловании? Я бы сам себя, если бы, конечно, не знал всей правды, никогда не помиловал.

Но меня помилуют. Я ещё маленький, к тому же псих. Меня лечить надо.

Но Белобрысый не будет меня лечить, и уж, конечно, он меня не помилует. Выждет удобный момент и прикончит.

Я надеюсь, это будет газ. Мне хочется, чтобы это был газ. Я слышал по телевизору, что газ — самая приятная

и безболезненная смерть. Раз, и всё — сон. Раз — и ты уже на зелёном лугу, в краях, богатых дичью, в месте, где нет никого, кто был бы тебе неприятен. Белобрысый подойдёт ночью к двери и выпустит под неё газ из баллончика. И никаких следов в крови, сердце остановилось, и всё. А он будет смотреть на меня через стекло двери... Впрочем, не буду забегать вперёд.

Почему я всё это тут рассказываю? А рассказываю я всё это потому, что мне совершенно нечего делать. Целыми днями я лежу на койке, смотрю в стену. Иногда в телевизор. Читаю что-нибудь в газетах.

Два раза в час в дверь заглядывает дежурный. Он минуту смотрит на меня пустыми глазами, потом исчезает. Бывают дни, в которые я, кроме этой рожи, ничего больше не вижу. Последние часы я проведу в одиночестве.

По местному телеканалу крутили передачу про проблемы воспитания подрастающего поколения, про меня там тоже был сюжетец. Показывали Па. Па от меня отказался. Его спросили, почему я такой, а он понёс чушь об ответственности, о просчётах в воспитании, о дурной наследственности, а потом сказал, что он не виноват, он со мной знаком всего полгода, за полгода ничего не успеешь...

Я не очень расстроился, это ведь было правдой.

После Па показали Ма. Ма заявила, что ей за меня стыдно, а больше ей нечего сказать. И отвернулась.

Ли ничего не сказала, её не показывали по телевизору. Это хорошо. Если бы ещё и она чего-нибудь булькнула, я не знаю, что стал бы делать. Повеситься тут нельзя, выручат. Откусить язык и истечь кровью, как японский ниндзя, я не решусь. Один мужик отломал ножку у кровати, налил водой, вставил пыж из резины, а поверх него жёваных газетных шариков. Привязал один конец к батарее, а другой приложил к виску. Ночью вода нагрелась, расширилась, и шарики снесли мужику полбашки. Но это слишком сложно технически. Так что буду пока жить. Что ещё остаётся делать?